

СПОРЫ О РОБЕСПЬЕРЕ

к 200-летию со дня рождения

А. З. Манфред

В истории есть имена, которых ни время, ни страсти, ни равнодушие не могут вытравить из памяти поколений. К их числу принадлежит имя Максимилиана Робеспьера.

Робеспьер прожил короткую жизнь. Он был казнен на эшафоте вскоре после того, как ему исполнилось тридцать шесть лет. Из этой недолгой жизни лишь последние пять лет были значительными; все предыдущие годы мало чем выделяли молодого адвоката из Арраса, поклонника Руссо и автора сентиментальных стихов, сохранявшихся в рукописи, среди многих других молодых людей своего времени.

Когда весной 1789 г. Робеспьер как депутат третьего сословия от Арраса в Генеральные штаты вышел впервые на большую политическую дорогу, его начальные шаги на ней были встречены враждебно-пренебрежительно. Не только «Деяния апостолов» — реакционно-монархический листок Ривароля — издевались над Робеспьером, но даже его политические единомышленники — депутаты третьего сословия и журналисты — либо не замечали его вовсе, либо третировали свысока¹.

Но время проходило, и голоса насмешников должны были смолкнуть; в газетах научились правильно воспроизводить его имя; с последней страницы оно перешло на первую. В Национальном собрании и в якобинском клубе теперь внимательно прислушивались к его выступлениям; уже ни слог, ни костюм, ни манеры оратора не вызывали более иронических замечаний.

Прошло еще немного времени — и каждая речь Робеспьера в Конвенте была уже крупным политическим событием; ее встречали яростными возгласами неодобрения на одной стороне собрания и громовыми аплодисментами — на другой.

Революция поднималась на новые, все более высокие ступени в своем восходящем развитии, и вместе с нею росла слава Максимилиана Робеспьера. Его влияние на политику революционного правительства непрерывно возрастало, а его слово становилось все более веским.

Из всех вождей революции Робеспьер оказался единственным, кто смог вместе с нею и во главе нее пройти весь путь до конца. Он оказался вознесенным на ту высоту, на которую поднялась революция в своем последнем — якобинском — подъеме. Робеспьер был в самом центре стремительного хода событий. Он вел жестокую борьбу, но, как замечательно сказал Герцен, смелым шагом он «ступал в кровь, и кровь его не марала»².

Простой народ любил «неподкупного». Враги революции — откры-

¹ См. M. Robespierre. Oeuvres complètes. T. VI. Discours (I partie) 1789—1790. Edit. préparée sous la direction de M. Bouloiseau, G. Lefebvre, A. Soboul. Paris. 1950, p. 27, 28, 33, 41, 43 etc; см. также E. Hamel. Histoire de Robespierre d'après de papiers de famille, des sources originales et des documents entièrement inédits. T. I. Paris. 1865, p. 103—104; А. Олар. Ораторы революции. Т. I. М. 1907, стр. 333—342 и др.

² А. И. Герцен. Соч. Т. 3. М. 1956, стр. 330.

тые и тайные, стяжатели и честолюбцы,— ненавидевшие и в то же время боявшиеся его, плели паутину заговоров.

К лету 1794 г., после подавления главных очагов контрреволюции внутри страны, после Флерюса, означавшего решающее поражение сил интервентов, Республика, казалось, достигла вершины могущества и славы. Лучи этой славы падали и на вождя революционного правительства— Робеспьера.

Однако четыре недели спустя после Флерюса, 9 термидора, скрывающиеся дотоле в глубокой тени заговорщики совершили контрреволюционный переворот, объявили Робеспьера и его друзей вне закона и на следующий день, без суда, казнили их на Гревской площади. 9 термидора стал и последним днем якобинской диктатуры, последним днем Великой французской революции.

Эта необычайная жизнь, естественно, приковывает к себе не слабеющее с годами внимание.

Уже вскоре после гибели Робеспьера его имя стало окружаться легендой. Его враги из всех политических лагерей, партий и фракций, сражавшихся против революции, его вчерашние «друзья», которых страх заставлял отмежевываться от побежденного, все недовольные по тем или иным причинам правительством якобинской диктатуры, все подозрительные или подозреваемые, над которыми нависла тень гильотины, теперь забрасывали поверженного революционера грязью, клеветой, хулой, поношениями.

Почти все деятели французской буржуазной революции нажили множество врагов, и эта преследовавшая их при жизни вражда перешла и в историю. Марат, например,— мне пришлось писать об этом³ — возбудил к себе особую, непримиримую ненависть буржуазии. И все-таки, если в этой области допустимы сопоставления, надо признать, что врагов у Робеспьера было значительно больше, чем у «друга народа». Марата ненавидели все те, кто стоял правее якобинцев: жирондисты, фельяны, роялисты. Врагами Робеспьера были не только перечисленные выше партийные группировки, но и «бешеные», и эбертисты, и дантонисты, и те разнородные элементы, из которых позднее сложился термидорианский блок. Его считали ответственным за все. Все партии — от крайне правых до самых левых — предъявляли ему иск к оплате.

На это следует сразу же обратить внимание, ибо здесь заложен ключ к пониманию последующей историографии Робеспьера, сложности и противоречивости оценок, которые давались ему впоследствии.

Когда Робеспьер был свергнут объединенными усилиями разнородного термидорианского блока, все его противники — правые и «левые» — сошлись на нескольких общих формулах, которые, будучи самой чудовищной клеветой, преподносились как непреложная истина. «Тиран», «диктатор», «деспот» — все эти бранные клички применительно к Робеспьеру были одинаково приемлемы и для «левого» Колло Д'Эрбуа и для правого Буасси Д'Англа. Но дальше этого уже начиналась область разногласий. Тогда как Билло-Варенн, Барер, Вадье обвиняли Робеспьера в «модеранризме», в терпимости к врагам, Тибо, Тюрио и другие дантонисты критиковали его справа⁴.

Политические и литературные мародеры глумились над памятью вождя Горы. Начиная с доклада Куртуа, построенного на самой грубой фаль-

³ А. З. Манфред. Жан Поль Марат и его произведения. Вступительная статья к «Избранным произведениям» Жана Поля Марата. Т. I. М. 1956.

⁴ Матъез вполне закономерно и обоснованно именно с этих противоречий и начинал свой анализ периода термидорианской реакции. А. Матъез. Термидорианская реакция. М.-Л. 1931, стр. 11—20.

сификации⁵, с низкопробных брошюр Дюперона⁶, Монжуа⁷, Мерлена из Тионвилля⁸, Лорена Лекуантра⁹ и многих других подобных произведений, стала складываться историография Робеспьера, крайне противоречивая, но лживая, построенная на клевете, на передержках, на вымыслах мстительной злобы, на злопыхательстве незабытых обид.

Так создавался образ Робеспьера — искаженный, неузнаваемый, лишенный всяких человеческих черт, портрет «тирана» и «кроважного убийцы». Это была первая, преобладающая — количественно, во всяком случае, — линия в историографии, линия неоднородная, но все же единая в своей непримиримости к Робеспьеру.

И все-таки вопреки версии, поддерживаемой государственной властью, церковью, школой, официальной наукой, в памяти народа жило иное представление о Робеспьере, иные воспоминания, передаваемые от старших к младшим, иной, человеческий и человечный образ. И, конечно, не те, кто гнался за славой и почестями, оглядывались на Робеспьера и старались понять его необычную судьбу. То были представители угнетенных классов, общественных сил, поднимавшихся на революционную борьбу, те, кто в героическом опыте якобинской диктатуры и в лице ее вождя Робеспьера видел вдохновляющий пример для подвигов и испытаний.

Первыми, кто смело провозгласил себя наследником и продолжателем возглавленной Робеспьером борьбы, были Гракх Бабеф и его товарищи по «заговору равных». Они были зачинателями иного, сочувственного Робеспьеру направления в историографии первой французской революции.

На этом следует остановиться несколько подробнее.

Возникновение движения «равных», как известно, совпало во времени с политическим и идейным крушением так называемых «левых» термидорианцев. Некоторые из них, например, такой видный представитель «левых» термидорианцев, как Амар, были связаны с «заговором равных»¹⁰ и играли в движении довольно значительную роль. Но Амар представлял собой исключение, да и он как один из участников событий 9 термидора вызывал у некоторых сторонников Бабефа подозрение и даже ненависть¹¹.

В целом же так называемые «левые» термидорианцы Билло-Варенн, Колло Д'Эрбуа, Вулан, Барер и др. оказались далекими от движения «равных» не только организационно и не только в отношении основных, коммунистических идей Бабефа и его соратников, но также и в оценке Робеспьера.

«Левые» термидорианцы, как известно, сыграли большую и зловещую роль в событиях 8—10 термидора¹².

⁵ E. Courtois. Rapport fait au nom de la commission chargée de l'examen des papiers trouvés chez Robespierre et ses complices. Paris. 1794.

⁶ L. Duperron. Vie secrète, politique et curieuse de Maximilien Robespierre, suivie de plusieurs anecdotes sur cette conspiration sans pareille. Paris, an. 2 de la République.

⁷ Ch. F. L. Montjoie. Histoire de la conjuration de Maximilien Robespierre. Paris. 1795.

⁸ «Merlin de Thionville à ses collègues. Portait de Robespierre». Paris. Sans ans.

⁹ L. Lecoindre. Robespierre peint par lui-même. Paris. Sans ans.

¹⁰ По вандомскому процессу «равных» наряду с Амаром был привлечен также и Вадье, которому, однако, по авторитетному свидетельству Буонарроти, «ничего не было известно о заговоре». См. Ф. Буонарроти. Заговор во имя равенства, именуемый заговором Бабефа. Т. II. М. 1948, стр. 72.

¹¹ См. там же. Т. I, стр. 166—167.

¹² См. J. N. Billaud-Varenne. Mémoire inédit sur 9 thermidor. «Revue historique de la Révolution française». Paris. 1910, p. 57—74, 161—175, 321—336; «Trois lettres inédites de Voulland sur la crise de thermidor». «Annales historiques de la Révolution française». Paris. 1927, № 19, p. 67—77; «Mémoires de B. Barère, membre de la Constituante, de la Convention, du Comité de Salut public et de la Chambre des Représentants, publiés par H. Carnot et David (d'Anger)». Тt. 1—2. Bruxelles. 1842.

Но для них очень скоро после переворота стало очевидным, что эта «революция термидора» не повинуется больше их руке и оказывается в действительности вовсе не революцией. Когда их стали громить, затем арестовывать и ссылать, чаще всего даже без соблюдения всяких судебных формальностей — точь-в-точь, как в день 9 термидора, — тогда к ним пришло раскаяние.

Барер де Вьезак признал в своих мемуарах, что «9 термидора разбило революционную силу»¹³. Он утверждал с нескрываемым негодованием, что к власти пришла «контрреволюционная коалиция». Но Барер воспринимал эти события прежде всего как личную катастрофу: термидор стал контрреволюцией не потому, что было свергнуто возглавляемое Робеспьером революционное правительство, а потому, что вскоре после термидора бездарные «любители власти», не прощавшие ему — Бареру — его популярности и талантов, оттеснили его от руководства¹⁴. От пересмотра же своего отношения к Робеспьеру Барер был бесконечно далек.

В распоряжении историка нет, к сожалению, таких же полных, как мемуары Барера, источников, раскрывающих идейные позиции других «левых» термидорианцев после их политического крушения. Здесь приходится довольствоваться отрывочными сведениями, свидетельствами других лиц, косвенными доказательствами, оставляющими место для догадок.

Из записок Филиппа Буонарроти, опубликованных в свое время Матъезом¹⁵, о встречах с Барером и Вадье в бельгийском изгнании можно составить отчетливое представление о взглядах и идейных позициях обоих участников переворота 9 термидора.

Что касается Барера, то впечатления и суждения о нем Буонарроти в целом полностью подтверждают тот политический автопортрет, который нарисовал Барер в своих мемуарах.

Влиятельнейший член Комитета общественной безопасности, воинствующий противник церкви и религии, вдохновитель дела Екатерины Тео, тайно направленного против Робеспьера, Вадье сыграл немалую роль в подготовке и организации термидорианского переворота. Тридцать лет спустя, когда Буонарроти вновь встретил его¹⁶ в брюссельском изгнании, это был глубокий старик, перешагнувший за девятый десяток. Теперь он считал день 9 термидора роковым, ибо отсюда начались бедствия родины, отождествляемые им с его собственными несчастьями¹⁷. Но так же, как и Барер, он полностью оправдывал свое участие в борьбе против Робеспьера и повторял, ничего не меняя ни в словах, ни в тоне, все избитые и вымышленные обвинения, выдвигавшиеся против последнего в 1794 году.

Самый близкий к эбертистам член Комитета общественного спасения, ответственный за чрезмерные жестокости в Лионе, осужденные революционным правительством, Колло Д'Эрбуа, сыграл одну из главных ролей в решающие дни термидора. Брошенный через несколько месяцев в тюрьму, а затем сосланный в Гвиану, чтобы найти там смерть¹⁸, переоценил ли Колло Д'Эрбуа значение событий, в которых он играл такую зловещую роль?

На этот счет нет никаких свидетельств, догадки же здесь неуместны. Колло Д'Эрбуа остался в истории таким, каким его видели в последний день революции, 9 термидора, — неистовым врагом Робеспьера.

¹³ «Mémoires de B. Barère...». Т. 2, p. 210.

¹⁴ Там же, стр. 219—220.

¹⁵ A. Mathiez. Le rôle de Barère et de Vadier au 9 thermidor jugé par Buonarroti. «Annales révolutionnaires». Т. IV. 1911, p. 96—102; перепечатано в сборнике «Autour de Robespierre». Paris. 1926, p. 235—242.

¹⁶ В 1796 или 1797 г. Буонарроти находился более трех месяцев в заключении на острове Пеле, близ Шербурга, вместе с Вадье, по ошибке привлеченным к делу «заговора равных».

¹⁷ См. A. Mathiez. Le rôle de Barère et de Vadier... «Autour de Robespierre», p. 238.

¹⁸ Он умер в Гвиане в 1796 году.

Билло-Варенн, до конца своих дней оставшийся убежденным демократом, в своих посмертно опубликованных записках оказался многим справедливее к Робеспьеру, чем был в жизни¹⁹. Но и он, как и Барер, как Вадье (и даже, может быть, в большей мере, чем они, ибо он был принципиальнее их), не склонен был критически переосмысливать сыгранную им летом 1794 г. роль.

Карье, подобно Колло Д'Эрбуа опасавшийся революционного возмездия за преступные жестокости в Нанте, за участие в неудавшейся попытке восстания эбертистов в марте 1794 г. и уже по одному этому ставший деятельным сообщником антиробеспьеристского заговора, оказался, по иронии судьбы, одним из первых, кого правые термидорианцы, объявив «охвостом Робеспьера», потащили на гильотину. Знаменитая фраза Карье в его защитительной речи в Конвенте: «Здесь все виновно, все, вплоть до звонка председателя!» — имела ясно ощутимый подтекст: вся Гора, весь Конвент ответственны за террор и политику насилия, которые теперь ставятся в вину лишь ему одному — Карье. Логика этих рассуждений должна была привести к косвенной реабилитации и Робеспьера. Но эта фраза не имела продолжения. Будучи хорошо понятой, она лишь ускорила падение и гибель Карье.

Андре Дюмон, которого считали эбертистом, после термидора открыто переметнулся на сторону правых и даже преуспевал в их рядах, вызывая этим, то есть не ренегатством, а именно успехами, крайнее раздражение Барера. Леонар Бурдон, также эбертист или полуэбертист, совершал ту же эволюцию вправо. Хотя он и получил ощутимые удары от правых термидорианцев в дни их господства, но в целом он проявил такое умение приспособляться, что дослужился при Наполеоне до высоких административных чинов.

Нужно ли говорить о других «левых» термидорианцах?

Мы и так задержались на них слишком долго. Но это нужно было для установления того, что большинство «левых» термидорианцев и после полного банкротства их политики и их карьеры продолжали по-прежнему оправдывать свою борьбу против Робеспьера летом 1794 года.

Эта констатация важна потому, что она объясняет источники возникновения в более поздней революционно-демократической историографии XIX в. второго, враждебного Робеспьеру, направления.

В отличие от «левых» термидорианцев Бабеф и его друзья по движению «равных» в период термидорианской контрреволюции и Директории произвели полную переоценку своего отношения к переломным событиям июля 1794 г. и сознательно изменили свое отношение к Робеспьеру.

Матьез, неоднократно исследовавший отношение бабувистов к Робеспьеру, дал наиболее полное изложение своих взглядов по этому вопросу в ценной по приводимым в ней материалам статье «Бабеф и Робеспьер», опубликованной впервые в 1917 году²⁰. Напоминая, что Бабеф начиная с 1791 г. и далее неизменно восхищался Робеспьером, Матьез высказывал мнение, будто бы одобрение Бабефом переворота 9 термидора было только лицемерной данью требованиям времени. «Без сомнения, Бабеф, так как он был журналистом и должен был считаться с общественным мнением, — писал Матьез, — был вынужден в основанной им 17 фруктидора II года газете дезавуировать Робеспьера

¹⁹ J. N. Billaud-Varenne. Указ. соч.

²⁰ A. Mathiez. Babeuf et Robespierre. «Annales révolutionnaires». Mai 1917. перепечатано в сборнике «Autour de Robespierre», p. 242—258.

и отмежевываться от компрометирующего имени». Но способ, которым он это делал, «не обманывает в истинных чувствах Бабефа»²¹.

С этим мнением согласиться нельзя. Анализ статей Бабефа в «*Journal de la liberté de la presse*» (сентябрь 1794 г.) и отчасти также в «*Le tribun du peuple*» показывает, что Бабеф в первые месяцы после термидора, не разобравшись, как и многие другие, в очень запутанной обстановке, приветствовал переворот 27 июля, считал его революцией и осуждал Робеспьера как тирана²².

Однако вскоре же Бабеф, как известно, под воздействием отрезвляющего опыта термидорианской контрреволюции изменил свое отношение к перевороту 27 июля и соответственно пересмотрел и свою оценку его жертв — Робеспьера, Сен-Жюста, Кутона — и их место и роль в революции.

Эта новая, очень высокая оценка Робеспьера и революционной диктатуры была высказана Бабефом в ряде его статей в «*Le tribun du peuple*»²³ и засвидетельствована Буонарроти в его знаменитой истории «заговора равных»²⁴. Но, пожалуй, лучше всего она была сформулирована в частном письме Бабефа к Бодсону от 29 февраля 1796 г., переизданном Эспинасом. «Я должен сегодня признать свою вину в том, что когда-то видел в черном свете и революционное правительство, и Робеспьера, и Сен-Жюста, — писал Бабеф. — Я убежден, что эти люди сами по себе стоили больше, чем все революционеры, вместе взятые, и что их диктаторское правительство было дьявольски хорошо придумано! (*Leur gouvernement dictatorial était diablement bien imaginé!*)». И дальше: «...Робеспьеризм — это демократия; эти два слова полностью тождественны»²⁵.

Не только Бабеф, но и другие руководители и участники движения «равных» в дни термидорианской контрреволюции и «буржуазной оргии Директории»²⁶ сумели понять и оценить историческое величие Робеспьера. Александр Дартэ, один из руководителей «заговора равных», казненный вместе с Бабефом, по свидетельству Буонарроти, «...рано усвоил убеждения Робеспьера и всеми силами способствовал их осуществлению; со своей стороны Робеспьер весьма дорожил им»²⁷. Сам Буонарроти определял Робеспьера как «знаменитого мученика во имя равенства»²⁸ и, всю жизнь восхищаясь им, до последних дней чтил его как «великого человека»²⁹. От Буонарроти мы узнали также, что Дебон (Бедон) — член бабувистской Тайной директории — «лучше, чем кто-либо, воспринял глубокие взгляды Робеспьера»³⁰, что среди влиятельных участников заговора было немало и политически и лично близких к Робеспьеру людей: Жюльен-младший, отец и сын Дюпле, Дидье (Эридди), Меньесье³¹ и др.

²¹ Там же, стр. 247. В последней своей работе, частично затрагивающей этот вопрос, в «Термидорианской реакции», Матьез, не отказываясь от высказанных им в 1917 г. взглядов и вообще обходя их молчанием, обращает неоправданно большое внимание на преувеличенную им близость Бабефа к Фрерону в первое время после термидора.

²² G. Babeuf. Pages choisies recueillies, commentées, annotées par M. Dommanget. Paris. 1935, p. 161—224.

²³ См. «*Le Tribun du peuple*», №№ 29, 34, 40.

²⁴ См. Ф. Буонарроти. Указ. соч. Т. I, стр. 84—87, 108—112, 137—140, 154—163, 216, 348—349.

²⁵ A. Espinas. La Philosophie sociale du XVIII siècle et la Révolution. Paris. 1898, p. 256—257.

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVIII, стр. 162.

²⁷ Ф. Буонарроти. Указ. соч. Т. I, стр. 141.

²⁸ Там же, стр. 87.

²⁹ P. Robiquet. Buonarroti et la secte des Egaux d'après les documents inédits. Paris. 1910, p. 178, 203.

³⁰ Ф. Буонарроти. Указ. соч. Т. I, стр. 139.

³¹ Там же, стр. 118, 187, 203; т. II, стр. 32, 70.

Буонарроти же был первым и, надо добавить, наиболее авторитетным автором концепции, устанавливавшей преемственную связь между Бабефом и Робеспьером, между бабувистами и якобинцами. Он показал в своем сочинении не только персональную, но и идейную преемственность между ними. Пользуясь обычной для той эпохи этической терминологией, за которой скрывалось определенное политическое содержание, Буонарроти сумел определить глубоко постигнутое им прогрессивное существо диктаторской политики революционного правительства. Полемизируя против живых обвинений Робеспьера в тирании, Буонарроти писал: «Он был тираном для дурных людей»³². Это понимание якобинского правительства как «тирании для дурных людей» было развито затем в планах Тайной директории, содержавших идеи революционной диктатуры.

Излагая в той же книге положительные цели движения «равных» — стремление сторонников Бабефа к осуществлению «законов свободы и равенства», — Буонарроти писал, что «Робеспьер был другом такого равенства», рассматривая тем самым его как прямого предшественника движения «равных»³³.

Матьез лишь следовал за этой концепцией Буонарроти, подчеркивая преемственную связь между робеспьеризмом и бабувизмом. Он сделал немало ценного в этой области, но допустил при этом ошибку двоякого характера. Он свел идейные истоки бабувизма, если не исключительно, то преимущественно, к робеспьеризму и в этом сделал шаг назад по сравнению с Буонарроти и даже с Адвиеллем³⁴ и Робике³⁵, которые не грешили такой односторонностью. Во-вторых, в соответствии с присущей ему склонностью к модернизации и поискам социализма там, где его не было и быть не могло, Матьез пытался сблизить позиции Робеспьера и Бабефа, антиисторически наделяя Робеспьера чертами социалистического борца или даже коммуниста³⁶.

Понятно, что бабувизм имел своими идейными истоками не только исторический опыт якобинской диктатуры; эти истоки были и глубже и шире³⁷. Рассмотрение этого вопроса увело бы нас в сторону от основной темы.

Представляется, однако, бесспорным на основании всего сказанного ранее считать среди других и Робеспьера и вообще якобинцев робеспьеристского направления в числе идейных предшественников Бабефа.

Яснее и определеннее, чем любые исторические исследования, это положение осветил наиболее авторитетный в данном вопросе автор — сам Грахх Бабеф.

В цитированном ранее письме к Бодсону 1796 г. Бабеф писал: «Я не нахожу, как ты, неполитичным и излишним восстановление в памяти праха и принципов Робеспьера и Сен-Жюста для укрепления нашей доктрины. Прежде всего мы этим лишь воздаем должное великой истине.. Эта истина — в том, что мы лишь вторые Граххи французской революции..., что мы лишь следуем за первыми благородными защитниками народа, которые еще до нас поставили ту же цель справедливости и счастья, воодушевлявшую народ»³⁸.

³² Там же. Т. I, стр. 109.

³³ Там же, стр. 160.

³⁴ См. V. A d v i e l l e. Histoire de Gracchus Babeuf et du babouvisme d'après de nouveaux documents inédits. Tt. 1—2. Paris. 1884.

³⁵ P. R o b i q u e t. Указ. соч.

³⁶ Так, комментируя письмо Бабефа к Купэ от 10 сентября 1791 г., в котором Робеспьер высоко оценивается автором письма, Матьез утверждал, что Бабеф видел в Робеспьере «сторонника аграрного закона, то есть коммуниста. Слово «социалист» тогда еще не было изобретено». A. M a t h i e z. Babeuf et Robespierre. «Autour de Robespierre», p. 224.

³⁷ См. В. П. Волгин. Движение «равных» и их социальные цели. Вступительная статья. Ф. Буонарроти. Указ. соч. Т. I.

³⁸ A. E s p i n a s. Указ. соч., стр. 257.

Через два года после гибели Робеспьера его тень встала за плечами Бабефа и Дартэ. Но весной 1797 г. Бабеф и Дартэ, как и ранее Робеспьер, были казнены теми же термидорианцами. Реакция все усиливалась. Со времени 9 термидора, на протяжении 35 лет, политическая история Франции круто поворачивала все в одном направлении — вправо: Термидорианский Конвент, Директория, Консульство, империя, реставрированная монархия Бурбонов. Эти этапы отмечали эволюцию от буржуазной контрреволюции республиканцев-термидорианцев до феодальной контрреволюции роялистов Людовика XVIII.

В эти годы все нараставшей политической реакции о революции, а следовательно, и о ее вождях не говорили вовсе или говорили только дурное. В период Директории над революцией — я имею в виду ее высший, якобинский этап — цинично глумились; во времена Наполеона она была вычеркнута из истории Франции полицейским циркуляром и о ней не смели вспоминать даже шепотом; во времена Людовика XVIII и Карла X — братьев казенного короля — на революцию обрушивались с высоты реставрированного престола проклятия и ее поносили на всех перекрестках.

Могло казаться, что стараниями врагов революции самое имя Робеспьера будет вычеркнуто из памяти народа.

Первые мемуаристы и историографы революции вроде Сиейеса³⁹, взявшиеся в годы Директории за перо, чтобы отомстить за страх и унижения, испытанные ими в дни террора, видели свою главную задачу в том, чтобы чернить того, кого они считали чуть ли не единственным виновником всех «преступлений».

Писания Бональда⁴⁰, Шатобриана⁴¹ и других дворянско-клерикальных историков и публицистов периода реставрации были яростной атакой против революции и ее вождей. Ненависть так слепила этих писателей, что вся яркая, многокрасочная картина революции оказывалась в их изображении залитой одним сплошным черным цветом. Поэтому-то среди множества дворянских идеологов и публицистов этого периода — а некоторым из них, хотя бы тому же Шатобриану, нельзя было отказать в таланте — не оказалось ни одного крупного историка минувшей эпохи.

Но в ту пору, когда политическая эволюция вправо дошла до своего логического конца — до господства ультрароялистов и закона о вознаграждении эмигрантов, — стало очевидным, что, как ни свирепствовала дворянско-клерикальная реакция, она была не в силах повернуть историю вспять и остановить то поступательное развитие страны по новому, капиталистическому пути, который проложила первая французская революция.

Частично «Рассуждения о французской революции» де Сталь⁴², а затем уже определенно исторические сочинения Минье⁴³ и Тьера⁴⁴, реабилитировавшие в целом революцию, представляли точку зрения выросшей, окрепшей и претендующей на полноту власти либеральной буржуазии.

Общее значение работ буржуазных историков периода реставрации и, в частности, их отношение к революции уже выяснено в маркси-

³⁹ E. S. Sieyès. Oeuvres politiques. Tt. 1—2. Paris. 1796.

⁴⁰ L. G. A. Bonald. Pensées sur divers sujets et discours politiques. Tt. 1—2. Paris. 1817.

⁴¹ F. A. Chateaubriand. Oeuvres complètes. Tt. 2—3. Paris. 1836—1837.

⁴² A. L. G. de Staël. Considérations sur les principaux événements de la Révolution française. Tt. I—III. Paris. 1818.

⁴³ F. Mignet. Histoire de la Révolution française depuis 1789 jusqu'en 1814. Tt. 1—2. Paris. 1824.

⁴⁴ A. Thiers. Histoire de la Révolution française. Tt. 1—6. Paris. 1823—1827.

стской литературе⁴⁵, и нет нужды на этом останавливаться. Но следует отметить, что как и для де Сталь, так и позже для Минье и Тьера, произнесших — каждый в своей манере — защитительную речь в пользу революции, Робеспьер был, конечно, не в числе подзащитных, а на скамье обвиняемых.

Де Сталь создала один из наиболее отвратительных портретов Робеспьера⁴⁶. Минье был готов довести свои демократические симпатии до признания заслуг Дантона, который рисовался ему «исполином среди революционеров»⁴⁷. Но к Робеспьеру он питал отвращение и ненависть: он считал, что Робеспьер «в полной мере обладал всем, что нужно для тирании», сыграл «ужасную роль во французской революции»⁴⁸. Тьер проявил к Робеспьеру большую сдержанность, чем его старший собрат — Минье. Однако и он, конечно, оставался безусловно враждебен Робеспьеру.

Здесь проходила граница, отделявшая либеральную буржуазию от демократической буржуазии.

«Признав» французскую революцию и подняв ее трехцветный флаг как свое боевое знамя, либеральная буржуазия принимала не всю революцию целиком, а лишь до известных пределов — до Жиронды включительно, а некоторые авторы — до Дантона. Робеспьер оставался на противоположной стороне — там, где мир зла отделялся от мира добра.

Если так — непримиримо враждебно — определяли свое отношение к Робеспьеру представители либеральной буржуазии в пору ее «левения», в годы реставрации, когда буржуазия еще мечтала о завоевании господства, то после буржуазной революции 1830 г., приобщившей часть ее — денежную аристократию — к власти, и после опыта революции 1848 г. и Второй республики эти настроения еще более укрепились.

Альфонс де Ламартин в «Histoire de girondins»⁴⁹ выступал против Робеспьера. Но при всех своих политических пороках Ламартин был поэтом, не лишенным таланта и дара художественного восприятия. Он не мог поэтому не почувствовать исторического величия Робеспьера. Рисуя его роль в революции как зловещую и губительную, хотя и чистую по личным побуждениям⁵⁰, Ламартин все же признавал, что с «Робеспьером и Сен-Жюстом закончился великий период республики. Начиналось второе поколение революционеров. Республика пала с высоты трагедии до интриги...»⁵¹.

Но спустя примерно 15 лет, после испытаний революции 1848 г., в которой он играл столь бесславную роль, умудренный опытом Ламартин в 1861 г. выступил с автокритикой своей «Histoire de girondins»⁵². И возвращаясь к этому сочинению и своей оценке Робеспьера, данной 15 лет назад, Ламартин — уже не поэт, а бывший министр Временного правительства — вносил в нее существенные поправки: «Я был бы сегодня, может быть, более строг (в оценке Робеспьера), так как я видел его тень

⁴⁵ См., например, Г. В. Плеханов. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. М. 1949.

⁴⁶ См. А. Л. G. de Staël. Указ. соч. Т. II, стр. 140—142. Но открыто высказывая ненависть к Робеспьеру, она в то же время признавала, что из всех имен, рожденных революцией, единственное, которое сохранится, — это имя Робеспьера.

⁴⁷ Ф. Минье. История французской революции с 1789 до 1814 г. СПб. 1906, стр. 187.

⁴⁸ Там же, стр. 203.

⁴⁹ A. de Lamartine. Histoire de girondins. Tt. 1—8. Paris. 1848 (в дальнейшем цитируем по изданию: Paris. 1884).

⁵⁰ Там же. Т. 4, стр. 351. «Робеспьер — это утопия; Сен-Жюст — это фанатизм», — писал он.

⁵¹ Там же, стр. 353.

⁵² A. Lamartine. Critique de l'histoire de girondins par l'auteur des girondins lui-même à quinze ans de distance (octobre 1861). Опубликовано в приложении к «Histoire de girondins». Т. 4. Paris. 1884.

на улицах в 1848...»⁵³. В этих нескольких словах, сорвавшихся с пера Ламартина, и раскрыт секрет усилившейся враждебности его — и не только его, а всей буржуазии — к Робеспьеру после 1848 года.

Не только историки, представлявшие крупную буржуазию, но и ряд авторов, явно мелкобуржуазных по политическим взглядам, по характеру мышления, по общественным идеалам, как, например, Мишле⁵⁴, или Эдгар Кинэ⁵⁵, или из нефранцузских авторов Томас Карлейль⁵⁶, писал о Робеспьере с раздражением и злобой. И для них линия размежевания добра и зла в истории великой революции XVIII в. оставалась строго в границах, начертанных впервые Минье: все приемлемое заканчивалось на жирондистах и Дантоне, дальше — от Робеспьера — начинался страшный мир социального зла.

А если обратиться к такому историку, как Ипполит Тэн⁵⁷, писавшему о революции почти сто лет спустя после ее начала и уже прошедшему, таким образом, через опыт Парижской коммуны, то у него явственным образом обнаруживалась новая мера вражды к революции вообще и Робеспьеру в частности. Это была уже не антипатия, не злоба, а какое-то иступление, неистовство ненависти, облеченное в литературные формы.

Так в чем же было дело? Что было источником неутраченной ненависти буржуазии и ее историков к Робеспьеру? Почему она принимала жирондистов и Дантона и с негодованием отвергала «неподкупного»? Разгадка источника этой возраставшей вражды содержалась в уже приведенных выше словах Ламартина из его автокритики 1861 года. Робеспьер был и оставался в глазах буржуазии олицетворением революционной демократии. Его имя всегда связывалось в ее представлении с поднявшимся на борьбу, властно вмешавшимся в жизнь, полным неукротимой энергии революционным народом.

Мирабо, фельяны, жирондисты были представителями разных групп буржуазии, и их политика на всех этапах революции всегда оставалась политикой буржуазных верхов общества. Дантон представлял политику компромисса, соглашения с этими группами; его популярность как народного трибуна придавала ему лишь еще большую цену.

Робеспьер, хотя, как это признают все буржуазные авторы, был человеком не из народа, а из буржуазии, никогда, тем не менее, не проводил и не защищал интересов буржуазных верхов, а вел против них борьбу, опираясь на народ и во имя интересов народа. Кинэ так прямо и писал, что Робеспьер после падения Жиронды стал ссорить народ с буржуазией⁵⁸.

Этого было вполне достаточно, чтобы пробудить неугасающую ненависть к «неподкупному». Но по мере того, как буржуазия, овладев властью, вступала во все более острую борьбу с народом и его авангардом — пролетариатом, ее враждебность к Робеспьеру, естественно, возрастала.

После июньского восстания парижского пролетариата, «гражданской войны в своем самом страшном облики — войны труда и капитала»⁵⁹ так называемая либеральная буржуазия сделала еще один шаг в своей контрреволюционной эволюции. И Ламартин, один из непосредственных виновников июньской трагедии (вспомним слова Маркса: «фейерверк Ламартина превратился в зажигательные ракеты Кавеньяка»⁶⁰),

⁵³ Там же, стр. 544.

⁵⁴ I. Michelet. Histoire de la Révolution française. Tt. 1—7. Paris. 1846—1857.

⁵⁵ E. Quinet. La révolution. Tt. 1—3. Paris. 1877.

⁵⁶ T. Carlyle. The French Revolution. London. 1837.

⁵⁷ H. Taine. Les origines de la France contemporaine. La révolution. Tt. 1—3. Paris. 1878—1889.

⁵⁸ E. Quinet. Указ. соч. Т. 2, стр. 219—220.

⁵⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7. Изд. 2-е, стр. 29.

⁶⁰ Там же.

признавался, что после того, как он увидел тень Робеспьера на парижских улицах 1848 г., он бы судил его более строго. Это не был личный суд Ламартина — поэта, историка, министра; это был классовый суд буржуазии.

За июньским восстанием 1848 г. последовала Парижская коммуна 1871 г., и за академическими поправками Ламартина — написанный желчью, стоящий на грани площадной брани пасквиль против революции академика Ипполита Тэна.

В течение столетия дворянская и буржуазная историография хулила Робеспьера, исключив его имя из истории французской славы. Она хотела навсегда лишить его симпатий народа.

Что же было противопоставлено этим усилиям? Продолжал ли жить в сознании народа и оказывать влияние на его борьбу давно казненный и оклеветанный Робеспьер?

В. И. Ленин писал: «...весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком французской революции. Он во всех концах мира только то и делал, что проводил, осуществлял по частям, доделывал то, что создали великие французские революционеры буржуазии...»⁶¹. Эти замечательные ленинские мысли, столь важные для понимания всей истории нового времени, дают очень многое и для частного вопроса — понимания посмертной судьбы Робеспьера.

Всякий раз, когда требования исторического развития заставляли «осуществлять по частям» задачи, выдвинутые Великой французской буржуазной революцией, в памяти народов закономерно оживал образ одного из самых выдающихся ее деятелей — Максимилиана Робеспьера. В числе прочего об этом свидетельствовали исторические сочинения, прямо или косвенно посвященные «неподкупному», само появление которых было также глубоко закономерным.

Во Франции накануне второй революции — июльской буржуазной революции 1830 г. — вышли один за другим мемуары Буонарроти⁶² и Левассера⁶³. Знаменитая книга Буонарроти о «заговоре равных» впервые после казни Бабефа открыто провозглашала Робеспьера величайшим деятелем революции. Якобинец железной закалки 93-го года, Левассер, которого ни скитания, ни гонения не заставили склонить головы, с гордостью вспоминал о великих людях великой эпохи и о первом среди них — «неподкупном»⁶⁴.

Накануне третьей революции — 1848 г. — и Второй республики Робеспьер был восславлен в различных по характеру и значению работах Бюше и Луи Блана.

Бюше, своеобразный христианский социалист сенсимонистской школы, в годы июльской монархии предпринял вместе с Ру обширное издание документальных — почти исключительно политического содержания — материалов эпохи Великой французской революции⁶⁵. Эта публикация сохраняет определенную научную ценность и в наши дни. Для того времени ее выход был крупным событием.

Самыми выдающимися творцами революции Бюше считал якобинцев, а самым замечательным из якобинцев — Робеспьера. И он щедро распахнул перед ним двери своего издания. Впервые — прошло сорок

⁶¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 342.

⁶² Ph. Buonarroti. Conspiration pour l'Egalité dite de Babeuf, suivie de procès auquel elle donna lieu, et des pièces justificatives etc. etc. 1828. (Русский перевод Ф. Буонарроти. Заговор во имя равенства, именуемый заговором Бабефа. М.-Л. 1948.)

⁶³ «Mémoires de R. Levasseur (de la Sarthe), ex-conventionnel». Tt. 1—4. Paris 1831.

⁶⁴ Следует напомнить в этой связи, что Маркс с большим вниманием штудировал и даже конспектировал мемуары Левассера. См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. III, стр. 601—611.

⁶⁵ Ph. Buchez et P. C. Roux. Histoire parlementaire de la révolution française, ou journal des Assemblées nationales depuis 1789 jusqu'en 1815. Tt. 1—35. Paris. 1834—1838.

лет после термидора — голос Робеспьера зазвучал для нового поколения французов, которое должно было вскоре создавать Вторую республику.

Луи Блан, начавший издавать свою двенадцатитомную «Историю французской революции»⁶⁶ за два года до февральской революции, выступил в своем сочинении восторженным апологетом Робеспьера.

Полемизируя против Мишле, Тьера, Ламартина и других историков того времени, Луи Блан защищал Робеспьера от их измышлений и в этом в большинстве случаев был прав.

Конечно, это не значило, что мелкобуржуазный реформист, праотец «соглашательства»⁶⁷ стал настоящим якобинцем эпохи террора. Отнюдь нет! Луи Блан, как он ни вытягивался на носках, как ни старался, не мог дотянуться до плеча «неподкупного». В политике, в революции 1848 г. Луи Блан и его сотоварищи из мелкобуржуазных соглашателей заимствовали от подлинных якобинцев 93-го года только внешние черты их ораторского стиля. Но у тех сильные, но скупые слова сопровождали еще более сильные действия. У Луи Блана и Ледрю-Роллена звонкая фразеология лишь прикрывала отсутствие действий; они подменяли фразой отказ от политики революционной классовой борьбы. Это был лишь один из эпизодов фарсового дублирования в 1848 г. трагедии 1789 — 1794 гг., как это блестяще показал Маркс в своем знаменитом «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта»⁶⁸.

Те «слабость, шаткость, доверчивость к буржуазии», которыми В. И. Ленин определял Луи Блана как мелкобуржуазного политика⁶⁹, были в полной мере присущи ему и как мелкобуржуазному историку. Его сочинение было внутренне глубоко противоречиво. Прославляя Робеспьера и оправдывая все его действия, Луи Блан в то же время преуменьшал глубину расхождений между Горой и Жирондой и, хотя и со множеством оговорок, внушал мысль о том, как полезно было бы примирение обеих партий.

На протяжении всего своего сочинения Луи Блан безоговорочно одобрял всю политику и все действия Робеспьера; он выступал его панегиристом. А между тем отнюдь не все в политике Робеспьера заслуживало одобрения. Робеспьер сохранил в силе антирабочий закон Ле Шапелле; он поддерживал распространение максимума и на заработную плату рабочих; он проявлял непонимание интересов и нужд рабочего класса, обнаруживая такое же равнодушие к интересам сельской бедноты; он ничего не сделал для улучшения их положения; он наносил удары не только по врагам республики, но и по представителям левых группировок в революции — «бешеным», затем Шометту.

Я перечисляю здесь лишь некоторые факты и черты политической биографии Робеспьера, в которых ясно проступали противоречивость и слабость его политики как буржуазного революционера. Политические ошибки и слабости вождя якобинцев Луи Блан изображал гражданскими добродетелями.

Это было тоже извращением исторического образа Робеспьера, хотя и с другой стороны. Идеализация Робеспьера и якобинизма являлась не только нарушением исторической правды; она была и политически вредной. Якобинцы 93-го года и их вожди — революционные борцы за буржуазную демократию, глубоко прогрессивную в XVIII в., — преподносились как вечный и непревзойденный пример для подражания революционным поколениям второй половины XIX в., борющимся уже за высшую — про-

⁶⁶ L. Blanc. Histoire de la Révolution française. Tt. 1—12. Paris. 1846—1862.

⁶⁷ См. оценку Луи Блана В. И. Лениным в его статьях: «Луиблановщина», «Безумные капиталисты или недоумки социал-демократии?», «И. Г. Церетели и классовая борьба» (Соч. Т. 24), «Великий отход», «Из какого классового источника приходят и придут Кавеньяки?» (Соч. Т. 25).

⁶⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 8. Изд. 2-е, стр. 119 и сл.

⁶⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 78.

летарскую — демократию. Не случайно, что именно Луи Блан — мелкобуржуазный политик и историк, враждебный по своей сути пролетариату, — дал первый пример подобного извращения образа Робеспьера.

Эта линия была продолжена во французской историографии Амелем, шедшим за Луи Бланом в безоговорочном одобрении всей политики Робеспьера⁷⁰, и другими, менее значительными писателями.

Накануне четвертой революции — буржуазно-демократической революции 1870 г. — и Третьей республики, в годы кризиса бонапартистского режима, вновь появилось множество книг, связанных с историей Великой французской революции, и среди них первые исторические сочинения, глубоко сочувственные по направлению, специально посвященные левым деятелям революции, якобинским вождям Робеспьеру⁷¹, Марату⁷², Сен-Жюсту⁷³. Само это явление было весьма симптоматичным: оно показывало, как по мере развития и обострения классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией оживали давно, казалось, забытые тени прошлого — вожаки первых революционных битв — и неожиданно какими-то своими чертами становились близкими, понятными и нужными народу иной исторической эпохи.

Здесь следует сказать, что в это же примерно время в рядах демократии раздавались и открыто враждебные голоса. С осуждением — резким, непримиримым — всей деятельности Робеспьера выступил Огюст Бланки. Знаменитый революционер XIX в. критиковал Робеспьера «слева». Он считал Робеспьера «преждевременно созревшим Наполеоном»⁷⁴, диктатором и тираном и особенно ставил ему в вину его борьбу против сторонников дехристианизации и «идею верховного существа»⁷⁵.

Откуда взялась у Бланки такая крайняя враждебность к Робеспьеру? Матъез, впервые в 1908 г. опубликовавший заметки Бланки, объясняет ее прежде всего неосведомленностью «заклоченного»⁷⁶ в истории французской революции и тем, что сведения о ней он черпал из «Истории жирондистов» Ламартина. Матъез так и пишет: «Это заметки политического деятеля, который не знал историю, кроме как по скороспелой и полной ошибок работе другого политического деятеля»⁷⁷, то есть Ламартина.

С этим мнением Матъеза никак нельзя согласиться. Ссылки на «Историю жирондистов» Ламартина, которые действительно имеются в рукописи Бланки, можно объяснить, на мой взгляд, лишь тем, что в Дуланской тюрьме в распоряжении Бланки не было иных книг, кроме работы Ламартина. Но считать, что Бланки — сын депутата Конвента⁷⁸, ученик Филиппа Буонарроти, член «Общества друзей народа», от самих собраний которого, по образному выражению Гейне, «веяло запахом старого испрепанного и засаленного экземпляра «Moniteur» 1793 г.»⁷⁹, сподвижник Гodefруа и других «молодых якобинцев» 30-х годов, — считать, что Блан-

⁷⁰ E. Hamel. Histoire de Robespierre d'après de papiers de famille, des sources originales et des documents entièrement inédits. Tt. I—III. Paris. 1865—1867. Направление, основоположником которого можно считать Луи Блана, оказалось весьма живучим и позже, хотя и с большими модификациями, давало себя знать в трудах даже столь различных историков, как Олар и Матъез.

⁷¹ E. Hamel. Указ. соч.

⁷² A. Vougeart. Jean Paul Marat. L'Ami du peuple. Tt. 1—2. Paris. 1865.

⁷³ E. Hamel. Histoire de Saint-Juste, député à la Convention nationale. Tt. 1—2. Bruxelles. 1860.

⁷⁴ A. Mathiez. Notes inédites de Blanqui sur Robespierre. «Annales historiques de la Révolution française». 1928, № 28, p. 311.

⁷⁵ Там же, стр. 307—318.

⁷⁶ Бланки писал свои заметки в 1850 г. в Дуланской тюрьме.

⁷⁷ A. Mathiez. Notes inédites de Blanqui... «Annales historiques de la Révolution française». 1928, № 28, p. 306.

⁷⁸ Здесь следует напомнить, что отец Огюста, Доминик Бланки, был сам автором воспоминаний о революции, которую он освещал с позиций жирондиста, находившегося в тюрьме до 9 термидора.

⁷⁹ Генрих Гейне. Полное собрание сочинений. Т. 6. М.-Л. 1936, стр. 49.

ки знал французскую революцию только по сочинениям Ламартина, — это значило поддаться ослеплению мгновенного чувства досады или раздражения.

У нас нет исчерпывающих данных, позволяющих с полной определенностью ответить на поставленный вопрос. Но по ряду косвенных доказательств можно предположить, что Бланки в оценке Робеспьера находился под влиянием не Ламартина, конечно, а литературы «левых» термидорианцев⁸⁰, о которой шла речь в начале статьи.

Как бы там ни было, но заметки Бланки, хотя и не опубликованные при жизни автора, но распространявшиеся в рукописных копиях⁸¹ среди его приверженцев, сыграли известную роль в спорах о Робеспьере. Под непосредственным влиянием исторических взглядов Бланки появились сочинение его ближайшего ученика Гюстава Тридона, выступившего с открытой апологией эбертистов и нападка на Робеспьера⁸², работа Авенеля об Анахарсисе Клоотсе⁸³.

Так, в историографии робеспьеризма на демократическом ее фланге наряду с сочувственным Робеспьеру направлением сохранилось, вступая в споры с первым, и антиробеспьеристское направление, атаковавшее Робеспьера «слева». Это направление шло от «левых» термидорианцев к Бланки, от него — к Тридону и отсюда, далее, соприкасалось какими-то сторонами с анархистской концепцией французской революции П. А. Кропоткина⁸⁴.

В наше время это направление, давно уже деградировавшее, окончательно выродилось в писаниях троцкиствующего Герена⁸⁵.

Но и в лучшие свои дни, когда оно было представлено именем Бланки, это враждебное Робеспьеру течение не приобрело в демократической литературе большого значения. Даже авторитет Бланки не смог обеспечить поддержки его антиробеспьеристских взглядов рядом ближайших его соратников. Так, например, его старейший сподвижник Мартен Бернар выступал самым горячим поклонником «неподкупного»⁸⁶.

Преобладающим направлением в демократической историографии была тенденция горячей защиты Робеспьера.

XIX век был веком буржуазно-демократических революционных движений, начатых первой французской революцией, не только для Франции, но и для других стран Европы. В каждой стране развитие этих исторических процессов имело, понятно, очень большие особенности и своеобразие. Но тем примечательнее, что оклеветанный Робеспьер, перешагнув границы своей родины, смог быть понятым и признанным передовыми людьми и близких и далеких от Франции стран.

⁸⁰ Не имея возможности, за недостатком места, развернуть здесь аргументацию, я хотел бы привлечь внимание хотя бы к подбору тех лиц, которых Бланки противопоставляет Робеспьеру, оспаривая его «привилегию неподкупности». Это Билло-Варенн, Колло Д'Эрбуа, Дюкенау, Ромм, Субрани, Вадье, Вулан, оба Приера, Робер Ленде, большая часть дантонистов, Камил Демулен, Лежандр (A. Mathieu. *Notes inédites de Blanqui... «Annales historiques de la Révolution française»*. 1928, № 28, p. 316). Далее идут: Леонар Бурдон, Эбер, Шомет, Ронсен, Венсан и в особенности Клоотс (там же, стр. 311). Нетрудно заметить, что за исключением нескольких дантонистов это почти все «левые» термидорианцы.

⁸¹ Матъез приводит ссылки на ряд рукописных копий, хранящихся в Национальном архиве. Там же, стр. 307.

⁸² G. T r i d o n. *La Commune de Paris en 1793. Les hébertistes*. 2 édit. Bruxelles. 1871. (Первое издание вышло в 1864 г.)

⁸³ G. A v e n e l. *Anacharsis Cloots, l'orateur du genre humain*. Tt. 1—2. Paris. 1865.

⁸⁴ П. А. Кропоткин. *Великая французская революция 1789—1793*. М. 1918.

⁸⁵ D. G u é r i n. *La lutte des classes sous la première république*. Tt. 1—II. Paris. 1946.

⁸⁶ См. M. B e r n a r d. *Dix ans de prison au Mont-Saint-Michel et à la citadelle de Doullens*. Paris. 1851 Матъез, справедливо обративший внимание на глубокое расхождение в оценке Робеспьера между Бланки и Бернаром, высказал не лишнюю основательную догадку, что Бланки не опубликовал своих заметок о Робеспьере, опасаясь породить разногласия в рядах собственной партии «*Annales historiques de la Révolution française*». 1928, № 28, p. 306—307.

Через полвека после смерти Робеспьера в царской России, скованной мертвящей властью Николая I, нашлись в обеих столицах русские молодые люди, объявившие себя приверженцами Робеспьера. Правда, эти молодые люди не обладали ни большими чинами, ни званиями, но зато у них было иное — они представляли собой будущность своего народа.

«Тут нечего объяснять: дело ясное, что Р[обеспьер] был не ограниченный человек, не интриган, не злодей, не ритор и что тысячелетнее царство божие утвердится на земле не сладенькими и восторженными фразами идеальной и прекраснородушной Жиронды, а террористами — обоюдоострым мечом слова и дела Робеспьеров и Сен-Жюстов». Эти слова принадлежали Виссариону Белинскому⁸⁷. Отрывок этот явно свидетельствовал о каких-то давних жарких и не завершенных в то время спорах. Мы знаем теперь о них, хотя еще с далеко не достаточной полнотой.

Из воспоминаний И. И. Панаева⁸⁸, подтвержденных и его двоюродным братом, В. А. Панаевым⁸⁹, известно, что зимой 1841—1842 гг. по субботам Иван Панаев у себя на квартире, в кругу друзей Белинского, читал историю французской революции. Источником для Панаева служили упоминаемая «Парламентская история французской революции» Бюше и Ру, «Moniteur» (очень полно воспроизводившие, как известно, речи Робеспьера) и литература⁹⁰. После чтения возникали жаркие споры. Как свидетельствует Панаев, Маслов «и некоторые другие сделались отчаянными жирондистами. Мы с Белинским отстаивали монтаньяров»⁹¹.

Но не только Белинский и Панаев были приверженцами Робеспьера. В ту пору такой же молодой Александр Герцен писал: «Максимилиан один истинно великий человек революции; все прочие — необходимые блестящие явления ее и только»⁹². В «Былом и думах» Герцен признавался, что в ту пору — в начале 40-х годов — он «завидовал силе Робеспьера»⁹³. Его друг Николай Кетчер «вместо молитвы на сон грядущий, читал речи Марата и Робеспьера»⁹⁴.

Но первые споры 1841 г., разделившие кружок Белинского на сторонников жирондистов и приверженцев монтаньяров, имели свое продолжение в острых и принявших принципиальный характер разногласиях между Белинским и Герценом, с одной стороны, и Т. Н. Грановским — с другой⁹⁵.

Предмет этих споров был по-прежнему связан в значительной мере с личностью Робеспьера, но сущность их была и глубже и шире. Здесь начиналась линия размежевания; здесь расходились две дороги — путь революционной демократии и путь либерализма.

Споры о Робеспьере передовых русских людей середины XIX в. являлись спорами о завтрашнем дне России, о путях ее развития, о будущей русской революции. Что привлекало в «неподкупном» таких людей, как Белинский, молодой Герцен и их друзья? Глубокий демократизм Робеспьера, его непоколебимая вера в народ, его бесстрашие, решимость, непреклонность революционера. Так протягивались незримые нити преем-

⁸⁷ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений. Т. XII. М. 1956, стр. 105. Белинский — Боткину, 15—20 апреля 1842 года.

⁸⁸ И. И. Панаев. Литературные воспоминания. М. 1950, стр. 242—243.

⁸⁹ См. «Русская старина», 1901, № 9, стр. 483—484.

⁹⁰ И. Ямпольский в весьма обстоятельном комментарии к «Литературным воспоминаниям» И. И. Панаева справедливо указывает на то, что Белинский и ранее был хорошо знаком с французской революцией и имел вполне определенное суждение о ней. И. И. Панаев. Указ. соч., стр. 414—415.

⁹¹ Там же, стр. 243.

⁹² «Литературное наследство». Т. 56. М. 1950, стр. 80.

⁹³ А. И. Герцен. Соч. Т. 5. М. 1956, стр. 203.

⁹⁴ Там же, стр. 228.

⁹⁵ См. «Литературное наследство». Т. 56, стр. 80; «Т. Н. Грановский и его переписка». Т. II. М. 1897, стр. 439—446.

ственной связи между французским революционером-якобинцем XVIII столетия и русскими революционными демократами середины XIX в., прокладывавшими путь к великой будущности своего народа.

На противоположном конце Европы, на Британских островах, в это же примерно время имя Робеспьера стало боевым паролем иных социальных сил, ведущих напряженную классовую борьбу. Английский пролетариат, после долгого пути исканий и поражений поднявшись до политической борьбы за решение социальных вопросов, но не дойдя еще до научного коммунизма, увидел в якобинизме воодушевляющие и поучительные для себя примеры. Речь идет, понятно, о славном периоде английского рабочего движения — чартизме.

В ту пору один из лучших представителей чартизма, вождь его левого крыла, позднее друг Маркса и Энгельса, Джордж Джулиан Гарни, поклонник французской революции, подписывавшийся, вслед за Маратом, «Ami du peuple» («Друг народа»), на митинге международной демократии в Лондоне в сентябре 1845 г. говорил: «Я знаю, что все еще считается дурным тоном смотреть на Робеспьера иначе, как на чудовище, но я думаю, что недалек тот день, когда будут придерживаться совсем иного мнения о характере этого необыкновенного человека»⁹⁶.

Гарни не был единственным приверженцем Робеспьера и якобинцев в рядах английских чартистов. Еще более горячим и убежденным почитателем «неподкупного» являлся Бронтер О'Брайен. В 30-х годах он стал серьезно изучать французскую революцию и в особенности деятельность и идейно-политические взгляды Максимилиана Робеспьера⁹⁷. Образ вождя якобинской диктатуры произвел на него огромное впечатление: в Робеспьере он увидел представителя истинной демократии⁹⁸. В годы нарастания чартистского движения О'Брайен работал над биографией Робеспьера. Первый том ее вышел в 1837 г.⁹⁹ — в год прилива первой волны чартизма.

Как ни старалась феодально-дворянская и буржуазная реакция, она оказалась не в силах вычеркнуть из истории имя Робеспьера. Народ, творивший историю, двигавший ее вперед, в жестоких боях завершавший начатое французской революцией дело, не мог забыть ее героев.

Выход пролетариата на политическую арену, его героическая борьба, открывшая новые исторические перспективы перед всеми трудящимися классами, отодвинули в прошлое первую французскую революцию и ее деятелей. На очередь дня становились новые, еще более грандиозные задачи приближавшейся социалистической, пролетарской революции.

«Социальная революция XIX века может черпать свою поэзию только из будущего, а не из прошлого»¹⁰⁰, — писал Маркс, анализируя итоги классовой борьбы в 1848—1850 годах. Попытка простого повторения опыта 1792—1794 гг. применительно к новым историческим условиям становилась не только грубо ошибочной, но и приносила прямой вред. В. И. Ленин в 1916 г. резко критиковал Розу Люксембург за то, что она

⁹⁶ Речь Гарни на международном митинге в Лондоне 22 сентября 1845 г., положившем начало международному демократическому обществу «Братские демократы», прославляла Робеспьера, Марата, Сен-Жюста, Бабефа и его друзей и принцип равенства, провозглашенный революцией. Речь эта воспроизведена в статье Энгельса «Празднество наций в Лондоне». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 2, стр. 595.

⁹⁷ См. Н. А. Ерофеев. Исторические взгляды О'Брайена. «Из истории социально-политических идей». Сборник статей к 75-летию академика В. П. Волгина. М. 1955, стр. 452—465.

⁹⁸ Статья О'Брайена в газете «National Reformer», 11 марта 1937 года. Цит. по E. Dollé a n s. Le chartisme. T. I. Paris. 1912, p. 78.

⁹⁹ I. B. O'Brien. The Life and Character of Maximilian Robespierre. London. 1837.

¹⁰⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 8, стр. 122.

в период империализма и империалистической войны, когда объективно развитие вперед было возможно лишь на пути социалистической революции, предлагала руководствоваться «классическим примером» Великой французской революции и в соответствии с этим выдвигала национально-буржуазную программу той эпохи¹⁰¹. «Передовому классу он (Юниус.— А. М.) предлагает повернуться лицом к прошлому, а не к будущему!»¹⁰² — осуждающе писал В. И. Ленин.

Конечно, из сказанного отнюдь не следует, что исторический опыт первой французской революции потерял в этих новых условиях свое значение и что ни сама революция, ни ее выдающиеся деятели более не волновали и даже не интересовали людей конца XIX и нынешнего столетия.

Нет, споры о французской революции, о ее героях, о Робеспьере продолжались и в новых условиях; они продолжают и сейчас.

В данной связи речь идет об ином. Здесь следовало лишь напомнить, что с того времени, как пролетариат стал классом, способным преобразовать общество, и его великие представители и учителя создали освободительную теорию научного коммунизма, правильная оценка французской революции в целом и ее партий, вождей и Робеспьера, в частности, стала возможна лишь с позиции революционного пролетариата. Маркс, Энгельс, Ленин в своих бессмертных творениях дали замечательную по силе мысли, по точности анализа, проникнутую глубоким историзмом оценку первой французской революции, ее движущих сил, действующих лиц и вождей.

Творцы научного коммунизма подчеркивали огромное прогрессивное значение Великой французской революции. Анализируя ее исторически, раскрывая ее буржуазное содержание и обусловленную этим ограниченность, противоречивость ее политики, Маркс, Энгельс, Ленин в то же время высоко ценили ее громадные заслуги и роль в развитии современного общества и значение созданных ею революционных традиций для освободительной борьбы последующих поколений трудящихся. Молодой Энгельс в 1843 г. писал: «Французская революция положила начало демократии в Европе»¹⁰³. Он указывал в той же статье на то, что рабочие, как только они пошли путем революционной борьбы, стали искать указаний в истории Великой французской революции и коммунизме Бабефа¹⁰⁴. Почти полвека спустя, в 1891 г., Энгельс снова напоминал: «Мы не забыли того грандиозного примера, который дала нам Франция в 1793 г.»¹⁰⁵.

Известно, как высоко ценил французскую буржуазную революцию В. И. Ленин. «...Все развитие всего цивилизованного человечества во всем XIX веке — все исходит от великой французской революции, все ей обязано»¹⁰⁶, — говорил он в 1919 году. В. И. Ленин многократно подчеркивал, что величие французской революции 1789—1794 гг. было прежде всего в том, что эта буржуазная революция по своему характеру, по своим движущим силам была народной. «Французская революция, — писал он в том же 1919 г., — на которую ополчились в начале XIX века старые державы, чтобы раздавить ее, называется великой именно потому, что она сумела поднять на защиту своих завоеваний широкие народные массы, давшие отпор всему миру; тут и лежит одна из ее больших заслуг»¹⁰⁷.

¹⁰¹ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 22, стр. 300.

¹⁰² Там же, стр. 302 (Юниус — псевдоним Р. Люксембург).

¹⁰³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 1. Изд. 2-е, стр. 526.

¹⁰⁴ См. там же, стр. 529—530.

¹⁰⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. 2-я, стр. 249.

¹⁰⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 401.

¹⁰⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 49.

Естественно, что Маркс, Энгельс и Ленин во французской революции более всего ценили период якобинской диктатуры, который они рассматривали как высший этап в развитии революции.

В. И. Ленин подчеркивал, что именно в этом вопросе — в оценке якобинской диктатуры и отношении к ней — проходит главная линия размежевания между буржуазной и пролетарской историографией. «Историки буржуазии видят в якобинстве падение («скатиться вниз»). Историки пролетариата видят в якобинстве один из высших п о д ъ е м о в угнетенного класса в борьбе за освобождение»¹⁰⁸. В соответствии с этой исторической оценкой якобинизма великие учителя пролетариата относились с глубоким уважением и симпатией к вождям якобинцев — Робеспьеру, Марату и другим.

Однако, признавая огромные исторические заслуги якобинцев и якобинских вождей, классики марксизма-ленинизма отнюдь не идеализировали их, рассматривая их деятельность в условиях той исторической эпохи.

Маркс и Энгельс, которые очень высоко оценивали Робеспьера и защищали его от нападок и вольгарных извращений Макса Штирнера¹⁰⁹, в то же время ясно видели и его слабости и недостатки. «Весьма характерно для Робеспьера, — писал Маркс Энгельсу в 1865 г., — что в то время, когда «конституционность» в духе Собрания 1789 считалась преступлением, достойным гильотины, все законы этого собрания про т и в рабочих продолжали сохранять свою силу»¹¹⁰.

В. И. Ленин, имея в виду именно Робеспьера, писал: «Нельзя быть марксистом, не питая глубочайшего уважения к великим буржуазным революционерам...»¹¹¹. Но он указывал и на ошибки, которые допускал якобинский Конвент, и многократно предостерегал против попыток некритического перенесения опыта якобинской диктатуры XVIII в. в условия новой исторической эпохи.

Мы отнюдь не ставили своей задачей рассмотреть здесь все богатство идей и мыслей классиков марксизма-ленинизма в отношении французской буржуазной революции XVIII века. Эта большая и значительная тема уже освещалась в работах советских историков¹¹²; здесь же кратко очерчено то принципиальное и существенное, без чего не могут быть правильно поняты происходящие в историографии споры о Робеспьере.

Обострение классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией в предимпериалистический и империалистический периоды должно было неизбежно сказаться и на оценке французской революции и ее вождей.

Крайне реакционное направление историографии, имевшее с 70-х годов своим признанным главарем Ипполита Тэна, продолжало вести войну отравленными стрелами против Великой французской революции и в особенности против ее якобинских вождей. Беллетризованная клевета против Робеспьера и якобинцев какого-нибудь Эрико¹¹³, или бездарный пасквиль на Робеспьера Мориса Грагероле¹¹⁴, или облеченные в академические формы, но сохранившие столетний настой ненависти писания Луи Мадлена¹¹⁵ уже не прибавляли ничего нового к прежним

¹⁰⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 102.

¹⁰⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 3. Изд. 2-е, стр. 165—169.

¹¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIII, стр. 234.

¹¹¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 197.

¹¹² См. Е. М. Ярославский. Ленин и Сталин о французской буржуазной революции 1789 года. «Большевик», 1939, № 11—12; И. Галкин. Различие между революцией пролетарской и революцией буржуазной. «Труды московского государственного института истории, философии и литературы им. Н. Г. Чернышевского». Т. VI, М. 1940.

¹¹³ Ch. de H e r i c a u l t. Thermidor en Paris en 1794. Paris. 1872; е го же. La Révolution de thermidor, Robespierre et le Comité de Salut public. Paris. 1876.

¹¹⁴ M. G r a t e r o l l e. Robespierre. Paris. 1894.

¹¹⁵ L. M a d e l i n. La révolution française. Paris. 1911.

клеветническим версиям реакции. Эти вариации на старую тему были более не нужны даже с точки зрения политических интересов господствующей буржуазии. Острота классовых противоречий подсказывала французской буржуазии необходимость перехода к иной, более гибкой политике, политике «примирения», конечно, на словах, классовых и партийных противоречий, к тактике компромиссов. И в политике и, косвенно, в исторической литературе вновь ожила тень праотца мелкобуржуазной идеи «примирения классов» Луи Блана.

Выше отмечались две основные черты исторической концепции Луи Блана: идея о пользе примирения Горы и Жиронды и идеализация Робеспьера, превращение его политических недостатков в добродетель. Первая из этих идей нашла свое продолжение во взглядах Альфонса Олара, вторая — в трудах Альбера Матъеза.

Мы отнюдь не намерены умалять крупнейшие заслуги Олара и Матъеза в изучении французской революции, ни, тем более, сводить значение научного творчества этих выдающихся ученых к повторению Луи Блана. Но следует отметить преемственность взглядов в некоторых вопросах.

Олар, конечно, писал свои работы в совсем иной обстановке, нежели Луи Блан. Но в новых, еще более трудных, чем в 1848 г., для буржуазии условиях он, быть может, сам того не подозревая, выполнял, как принято говорить, «социальный заказ» своего класса, возрождая старый тезис Луи Блана о примирении партий. В отличие от последнего Олар был враждебен к Робеспьеру и противопоставлял ему в качестве вождя революции Дантона.

Олар объяснил, за что он осуждал первого и возвеличивал второго. Робеспьер помешал примирению монтаньяров с жирондистами, «примирению, которое, быть может, изменило бы судьбу Франции»¹¹⁶. Олар осуждал за это Робеспьера, как и Марата, считая, что они «представляли тогда в партии Горы непримиримое течение и насильственную политику...»¹¹⁷. Дантон, напротив, хотя и «казался согласным с ними, но в действительности он держался совершенно иной политики — политики примирения, имевшей целью образовать из благоразумных элементов Жиронды и Горы третью партию»... Олар это говорил не в осуждение, а в похвалу. Он добавлял: «Политика Дантона была именно тем, что называют в настоящее время «оппортунизмом», если принять это слово в его хорошем значении. Дантон был продолжателем Мирабо, так же как Гамбетта был продолжателем Дантона»¹¹⁸.

Дантон был возведен в национальные гении Франции и прославлен во множестве работ Олара¹¹⁹, прежде всего за то, что он дал первые предметные уроки оппортунизма, которые были так нужны буржуазии, атакуемой рабочим классом. Робеспьеру же было отказано в признании: он был отвергнут буржуазным республиканизмом и осужден именно за то, что являлся олицетворением партийной, принципиальной непримиримости, что в эпоху разгорающихся классовых битв, естественно, страшило буржуазию.

Между Оларом и Матъезом стоял Жорес, который открыто солидаризировался с Робеспьером. В присущем ему приподнятом ораторском стиле он писал: «Здесь, под этим солнцем июня, озаряющим нашу напряженную борьбу, я — с Робеспьером... Да, я с ним, потому, что в этот час в нем воплощена вся полнота революции»¹²⁰. Это определение Жорес дополнял столь же выразительным: «Все, что вне Робеспьера, это толь-

¹¹⁶ А. Олар. Политическая история французской революции. М. 1938, стр. 515.

¹¹⁷ Там же, стр. 515—516.

¹¹⁸ Там же, стр. 516—517.

¹¹⁹ См. многочисленные статьи Олара о Дантоне. A. Aulard. Etudes et leçons sur la Révolution française. Ser. 1—8. Paris. 1893—1924.

¹²⁰ J. Jaurès. Histoire socialiste. T. IV. La convention. Paris. 1904. pp. 1618—1620.

ко секта». С этих позиций он полностью оправдывал непримиримость и решимость Робеспьера в борьбе с противниками, крайние меры, гильотину, с помощью которых революционное правительство стремилось «восстановить необходимое ему единодушие».

Но в то же время и в странном противоречии с приведенными только что мыслями Жорес скорбел о том, что несогласие, расхождение разъединяли людей революции, что они не смогли найти общий язык, преодолеть свои распри, согласовать и объединить свои усилия¹²¹.

Более того, Жорес, сумевший так замечательно показать историческое величие Робеспьера, в другом — первом — томе своего обширного сочинения восхвалял Мирабо¹²², которого даже Олар справедливо считал праотцом оппортунизма.

Матьез, начинавший свой научный путь сначала как ученик Олара, а затем — идейно — Жореса, встав на ноги, вступил в открытую войну со своим первым учителем и обособился от второго. Его лучшие работы были созданы в 20-х годах, и они составляют такой важный этап в историографии первой французской революции, пренебречь которым не может ныне ни один исследователь.

Вступившись за честь Робеспьера, Матьез в течение двадцати лет, с 1908 г., когда он основал «Общество по изучению робеспьеризма», и до смерти Олара в 1928 г. вел борьбу с ним. За плечами двух «сражавшихся» профессоров стояли их герои — Робеспьер и Дантон. Это не было только столкновением различных научных мнений, — это был политический спор.

Матьез вышел из этого поединка победителем. Он развенчал ореол славы, окружавший Дантона¹²³. В историографии Робеспьера он сделал очень и очень много.

Но Матьез, сумевший показать и доказать на сотнях фактов историческую правоту Робеспьера, представлял его образцом для подражания не только в прошлом, но и в настоящем.

Это значило не видеть ошибок и слабостей Робеспьера, которые определялись его классовой природой и эпохой, его ограниченности и противоречивости как буржуазного революционера XVIII века. Матьез шел в этом за Луи Бланом. Но, более того, в своем стремлении — сознательном или бессознательном, это неважно — показать Робеспьера великим человеком не только прошлого, но и современности Матьез наделял его такими политическими чертами, которыми тот и не мог обладать. Уже в одной из ранних своих работ, в 1910 г., он писал: «Робеспьер хотел пришествия республики равенства, или, говоря иначе, социализма». Несколькими страницами ниже он с увлечением уверял, что Робеспьер был более социалистом, чем многие из тех, кто объявляет себя социалистами на словах или в афишах¹²⁴. Матьез отстаивал этот тезис на протяжении всего своего научного творчества¹²⁵. Это была грубая модернизация. И научно и политически она была ошибочна. Матьез в силу методологической шаткости своих позиций идеализировал и модернизировал героя своих исследований.

Досадные ошибки крупнейшего знатока истории якобинской диктатуры давали пищу для новых споров, никогда не затихавших вокруг имени великого революционера XVIII столетия.

¹²¹ Там же, стр. 1769—1772

¹²² Жан Жорес. История Великой французской революции. Т. 1. М. 1920, стр. 198, 522—523.

¹²³ См. А. Mathiez. Autour de Danton. Paris. 1926.

¹²⁴ А. Mathiez. Etudes Robespierriistes. La corruption parlementaire sous la terreur. 2 éd. Paris. 1927, pp. 265, 293.

¹²⁵ См. сборники его статей: «La conspiration de l'Etranger». Paris. 1918; «Robespierre terroriste». Paris. 1921; «Autour de Robespierre».

Новая эпоха в истории человечества, открытая Великой Октябрьской социалистической революцией, победы социализма в нашей стране, преодоленное движение по пути к социализму народного Китая и стран народной демократии Европы — все это, конечно, оставило далеко позади — и по значению, и по размаху, и по историческим масштабам — эпоху французской буржуазной революции XVIII века. Конечно, и идеи Робеспьера и революционный подвиг его жизни также давно превзойдены.

Однако Робеспьер продолжает и в наши дни привлекать внимание современников, возбуждая, как и раньше, жаркие споры.

В первые же месяцы после победы Великого Октября в молодой Советской республике заслуги Максимилиана Робеспьера получили полное признание со стороны победившего революционного пролетариата. В постановлении Совета Народных Комиссаров в 1918 г. об установлении памятников выдающимся революционным деятелям прошлого, подписанном В. И. Лениным, Максимилиан Робеспьер значился одним из первых. В том же году в Москве, в Александровском саду, был торжественно открыт памятник Робеспьеру¹²⁶.

В 1921 г. Н. М. Лукин опубликовал специальную работу, посвященную Робеспьеру¹²⁷. Это была первая марксистская монография, посвященная великому французскому буржуазному революционеру, основанная на изучении источников и содержащая детальный марксистский анализ его взглядов и деятельности, его сильных сторон и его слабостей. В 20-х годах вышел научно-популярный очерк о Робеспьере Я. М. Захера¹²⁸. Естественно, что некоторые положения в этих работах, написанных более тридцати лет тому назад, сегодня устарели или вызывают возражения, однако эти первые марксистские работы о выдающемся якобинском вожде сыграли в свое время, бесспорно, полезную роль.

Серьезный вклад в понимание исторического значения и характера якобинской диктатуры и роли «неподкупного» внесли французские марксисты. Здесь должен быть прежде всего назван специальный номер журнала «Cahiers du Communisme», посвященный столетию французской революции, содержащий весьма ценные статьи: Мориса Тореза «Стопятидесятая годовщина», Жака Дюкло «Иностранная заговор против французской революции», Габриэля Пери «Внешняя политика якобинцев», а также Е. Фажона, Ж. Брюа, Политцера и др.¹²⁹.

Речь Мориса Тореза «Робеспьер — великий образ французской революции», произнесенная в марте 1939 г. в Арассе¹³⁰, содержала сжатую, но очень яркую характеристику великого французского революционера XVIII столетия и выражала глубокое уважение, которое и ныне питает к нему французский народ.

Торез раскрыл образ Робеспьера как великого революционного борца, всецело отдавшего себя служению народу, защищавшего его интересы и сражавшегося против всех покушавшихся на его права. «Какая великолепная революционная энергия! Какое мощное дыхание революции чувствуется в мысли этого человека, который решил отдать свое сердце, все свои силы народу и во главе его вел борьбу за счастье народа»¹³¹, — говорил Торез.

¹²⁶ См. «Известия», 2 августа 1918 года. К настоящему времени этот памятник не сохранился.

¹²⁷ Н. М. Лукин (Антонов). Максимилиан Робеспьер. Птрг. 1921 (2-е, исправленное издание — 1925 г.).

¹²⁸ Я. М. Захер. Робеспьер. М. 1925.

¹²⁹ «Cahiers du Communisme», 1939, num. spécial. 150 anniversaire de la Révolution française.

¹³⁰ «Humanité», 10 марта 1939 г., русский перевод речи см. «Интернациональная литература», 1939, № 5—6, стр. 195—199.

¹³¹ Там же.

В речи, произнесенной на пороге второй мировой войны, когда нависшая над Европой и миром опасность выдвигала на первый план вопросы внешней политики, Торез, естественно, уделил большое внимание характеристике отношения Робеспьера к проблемам войны и мира. Он напомнил о том, что Робеспьер, как и Марат, боролся за то, чтобы сохранить мир, и отстаивал идею, которую, как заявил Торез, «и мы, коммунисты, разделяем: «Свободу не несут народам на остриях штыков». В то же время, как справедливо указывал Торез, Робеспьер был великим революционером и патриотом, непримиримым врагом всех капитулянтов, всех, готовых идти на соглашение с противником; в политике Робеспьера, говорил Торез, «великий дух интернационализма не противоречил, а, наоборот, совпадал с самым пламенным и мудрым патриотизмом»¹³².

Жак Дюкло в докладе на заседании группы по изучению истории Франции в Москве ярко показал отношение французских коммунистов к Робеспьеру. Напомнив о той вражде, которую реакционная буржуазия питала и до сих пор питает к вождю якобинцев, Дюкло сказал: «Нет такого человека во Франции, который был бы так оклеветан и оскорблен, как Робеспьер». Французские коммунисты и идущие за ними прогрессивные общественные силы глубоко уважают и чтят Робеспьера как одного из своих «предшественников в революционных боях». Дюкло рассказал о той борьбе, которую вели и ведут коммунисты за официальное признание исторических заслуг Робеспьера перед народом, республикой и Францией¹³³.

Выступления Мориса Тореза и Жака Дюкло сыграли большую роль в разоблачении лживых версий и софизмов реакционной историографии и в восстановлении исторически правдивого облика Максимилиана Робеспьера.

Немало ценного для понимания якобинской диктатуры и роли в ней Робеспьера с научных позиций марксистско-ленинской методологии внесли работы французских историков-марксистов: Альбера Собуля¹³⁴, Жана Массена¹³⁵, Жермены и Клода Виллар¹³⁶ и др. Заслугой французских историков-марксистов является и издание, рассчитанное на широкий круг читателей, в серии «Классики народа» избранных произведений Максимилиана Робеспьера в трех томах, подготовленное Жаном Попереном¹³⁷.

Великие писатели Франции, цвет ее национальной культуры Анатоль Франс и Ромен Роллан, оба пришедшие, хотя и разными путями, в последние годы своей жизни под знамена коммунистической партии, сохраняя своеобразие, присущее каждому из них, сумели понять и оценить все величие «неподкупного». В романе «Боги жаждут», посвященном Великой французской революции, Анатоль Франс средствами художника принес дань глубокого уважения Робеспьеру¹³⁸. Ромен Роллан, сорок лет работавший над грандиозным циклом «Драмы революции», завершил в 1938 г. эту эпопею трагедией «Робеспьер»¹³⁹.

«Робеспьер» Романа Роллана — это не только совершенное художественное произведение, лучшее из всех его восьми драм о французской революции. Это — поразительное по силе исторического анализа, по знанию и пониманию последнего этапа революции, и в его главных ведущих

¹³² Там же.

¹³³ Жак Дюкло. В. И. Ленин и французские революционные традиции. Доклад на заседании группы по изучению истории Франции при Институте истории Академии наук СССР 15 ноября 1957 г., посвященном сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции (магнитофонная запись).

¹³⁴ A. Soboul. Classes et luttes de classes sous la Révolution française. «Pensée», janvier-février 1954; и др. его работы.

¹³⁵ J. Massin. Robespierre. Paris. 1957.

¹³⁶ G. et C. Willard. Formation de la nation française. Paris. 1955.

¹³⁷ M. Robespierre. Textes choisis, préparés par Jean Popren. Tt. I—II. Paris. 1957; t. III. Paris. 1958.

¹³⁸ См. А. Франс. Боги жаждут. М. 1957.

¹³⁹ См. Ромен Роллан. Собрание сочинений. Т. 1. М. 1954, стр. 209—427.

линиях и в политических деталях и жанровых подробностях, историческое сочинение. В послесловии к «Робеспьеру» Ромен Роллан писал: «Я всегда считал, что злобный нюх врага открывает грядущим поколениям величие гения гораздо раньше, чем его признают друзья», — а двумя страницами выше он формулировал обобщающий вывод: «Теперь для нас совершенно ясно, что Робеспьер выделялся среди деятелей Французской революции не только цельностью своей натуры, но своим прозорливым умом и непоколебимой преданностью делу народа»¹⁴⁰.

В настоящее время, когда в связи с двухсотлетним юбилеем Робеспьера реакционные круги выступили с нападками на «неподкупного», отвергнув в Национальном собрании предложение об официальном чествовании его юбилея, известный историк революции профессор Жорж Лефевр дал достойную отповедь хулителям Робеспьера, показав его огромные заслуги перед Францией¹⁴¹.

Но школа Матьеза — Лефевра¹⁴² не только оборонялась или контратаковала противников. Ее крупнейшей заслугой была научная разработка ряда важных проблем социально-экономической истории французской революции вообще и деятельности Робеспьера и робеспьеристов в особенности. Здесь должны быть отмечены и выдающиеся труды Альбера Матьеза¹⁴³, и Жоржа Лефевра¹⁴⁴, и работы их ближайших учеников — Жакоба¹⁴⁵, Кальве¹⁴⁶, Шнерба¹⁴⁷, норвежского историка Арне Ординга¹⁴⁸ и других. За последние 20 лет был создан ряд специальных монографий о Робеспьере нефранцузскими авторами, испытывшими, однако, сильнейшее влияние школы Матьеза, — английским профессором Томпсоном¹⁴⁹, американцем Ральфом Корнгольдом¹⁵⁰, Керром¹⁵¹, итальянцем Маццучелли¹⁵², французом, не примыкавшим к школе Матьеза, но также косвенно находившимся под ее влиянием, Жераром Вальтером¹⁵³. Труды этих различных исследователей продвинули вперед научное изучение жизни и деятельности Робеспьера, рассеяли множество мифов и легенд, созданных вокруг его имени.

Но, не желая отождествлять всех названных историков, имеющих столько индивидуальных различий, и отнюдь не считая всех их в равной мере ортодоксальными приверженцами школы Матьеза — Лефевра, хотелось бы все же отметить, что для некоторых из этих историков была характерна та черта, которая в наибольшей мере была присуща основателю школы, Матьезу. Это модернизация. Мы отмечали ее уже выше, в работах Матьеза, и множеством иных примеров могли бы подтвердить сказанное. Мы видим ее в ценной по фактическим данным работе Томпсона, когда он представляет Робеспьера 1793 г. чуть ли не «марксистским револю-

¹⁴⁰ Там же, стр. 421—423.

¹⁴¹ G. Lefebvre. A la mémoire de Maximilien Robespierre. «L'Humanité», 2 мая 1957 г.; см. также статью Дотри в журнале «Rensée», 1957, № 12.

¹⁴² Говоря о школе Матьеза — Лефевра, мы отнюдь не хотим отождествить этих двух во многом различающихся ученых.

¹⁴³ Кроме указанных выше, см. его важнейшие работы: «Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора». М.-Л. 1928; «Французская революция». Тт. I—III. М.-Л. 1925—1930; «Термидорианская реакция»; «Etudes sur Robespierre». Paris. 1958.

¹⁴⁴ G. Lefebvre. Questions agraires au temps de la terreur. Strasbourg. 1932; его же. La Révolution française. Paris. 1955; его же. Etudes sur la Révolution française. Paris. 1955.

¹⁴⁵ L. Jacob. Joseph le Bon. T. 1—2. Paris. 1934; и ряд его статей и публикаций.

¹⁴⁶ H. Calvet. L'accaparement à Paris sous la terreur. Paris. 1933.

¹⁴⁷ Статьи о вантозовских декретах см. в «Annales historiques de la Révolution française». 1929, 1934.

¹⁴⁸ A. Ordning. Le bureau de police du Comité de Salut public. Oslo. 1930.

¹⁴⁹ S. M. Thompson. Robespierre. Oxford. 1939.

¹⁵⁰ R. Corngold. First modern Dictator. New York. 1941.

¹⁵¹ W. B. Kerr. The Reign of terror 1793—94. Toronto. 1937.

¹⁵² M. Mazuchelli. Robespierre. Milano. 1936.

¹⁵³ G. Walter. Robespierre. Paris. 1946.

ционером», заботящимся об интересах «четвертого сословия», то есть пролетариата, и уверяет, что Ленин подписался бы под его программой¹⁵⁴. Мы видим эту модернизацию и в работе Р. Корнгольда, когда он утверждает, что вантозовскими декретами Робеспьер пытался обеспечить «четвертому сословию» солидную экономическую базу и что неудача этой попытки привела «первого из современных диктаторов» к гибели¹⁵⁵.

Выше уже говорилось о научной и политической ошибочности подобной точки зрения, и нет нужды это вновь повторять.

Объявляя Робеспьера высшим образцом революционной демократии всех времен, а значит, и сегодняшнего дня, тем самым сторонники этой точки зрения не замечают или не хотят замечать, что передовой общественной силой уже более ста лет назад стал рабочий класс и что путь человечеству вперед сегодня озаряют не идеи Робеспьера, а идеи вождей пролетариата — Маркса, Энгельса, Ленина.

В заключение следует остановиться на споре о правах на идейное наследие Робеспьера, на споре о том, кто является наследником и продолжателем традиций Робеспьера, традиций якобинизма.

Французские радикалы, а также политические деятели, которые называли себя представителями «третьей силы», любят именовать себя «якобинцами XX века», «последними якобинцами» и охотно взывают к великим монтаньярам 93-го года. Говорят, что в Париже все еще существует «Клуб якобинцев», объединяющий, впрочем, вполне respectable буржуа.

Но не они имеют право на наследие Робеспьера и якобинцев. Великие революционные традиции 1789 — 1794 гг. не умерли; они продолжают жить и сохраняют свое значение в новую историческую эпоху. Наследником и продолжателем этих традиций, наполнив их новым содержанием, мог стать и действительно стал пролетариат.

Великие учителя рабочего класса Маркс и Ленин всегда высоко ценили революционные традиции якобинизма, подчеркивая, что глубокое уважение к этим славным традициям отнюдь не означает повторения опыта прошлого. Маркс в 1848 г. говорил: «Якобинец 1793 г. стал коммунистом в наши дни»¹⁵⁶. В. И. Ленин, называя большевиков якобинцами современной социал-демократии, писал в 1905 г.: «Это не значит, конечно, чтобы мы хотели обязательно подражать якобинцам 1793-го года, перенимать их взгляды, программу, лозунги, способ действия. Ничего подобного. У нас не старая, а новая программа...»¹⁵⁷.

Традиции якобинизма, замечательным представителем которого являлся Робеспьер, были и остаются близкими трудящимся и их передовому отряду — пролетариату XX века. Робеспьер был великим буржуазным революционером — смелым, неустрашимым, непреклонным, но его величие заключалось прежде всего в том, что он был «якобинцем с народом», во главе народа и вместе с ним решавшим задачи буржуазной революции плебейскими методами. Робеспьер отдал всю свою жизнь борьбе за освобождение народа, за то, чтобы восторжествовали его права. Он был искренним и убежденнейшим революционным демократом. Вся его жизнь — пример служения родине и революции. Максимилиан Робеспьер был великим патриотом, демократом и революционером своего времени.

¹⁵⁴ J. M. Thompson. Указ. соч., стр. 346.

¹⁵⁵ R. Corngold. Указ. соч., стр. 5.

¹⁵⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4, стр. 488.

¹⁵⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 9, стр. 43.